Russian Journal of Linguistics
ISSN 2687-0088 (Print), ISSN 2686-8024 (Online)

2026 Vol. 30 No. 2 275–309
http://journals.rudn.ru/linguistics

https://doi.org/10.22363/2687-0088-50145
EDN: CHGMKZ

Introductory article / Вступительная статья

Language policy in multiethnic countries: Current trends

Mira B. BERGELSON[1] ✉ and Lenore A. GRENOBLE[2,3]

[1]National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
[2]The University of Chicago, Chicago, United States of America
[3]M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation
✉mbergelson@hse.ru

Abstract
This introductory article surveys current theoretical and methodological trends in language policy research in multilingual and multiethnic societies, with particular attention to the post-Soviet space and the Russian Federation. Drawing on structural, critical, ecological, and urban sociolinguistic approaches, the paper traces the evolution of language policy scholarship from early language planning models to contemporary frameworks emphasizing multilingualism, globalization, social inequality, and linguistic revitalization. The discussion integrates key concepts such as language management, linguistic markets, speech accommodation, superdiversity, and decolonial critiques of the "native speaker" paradigm. Particular attention is paid to the tensions between top-down state management and bottom-up language practices, especially in urban multilingual settings and endangered language communities. The growing role of language documentation and revitalization is also examined, highlighting current initiatives in Russia aimed at preserving linguistic diversity through scientifically grounded and community-centered approaches. Finally, the paper introduces the contributions to this special issue, which collectively explore language policy, identity, multilingual education, language maintenance, and revitalization across a range of global and local contexts. Together, the volume demonstrates that multilingualism is a normative social condition requiring flexible, multi-scalar, and socially responsive policy frameworks.
Keywords: *language policy, multilingualism, superdiversity, linguistic marketplace, minority languages, revitalization*

For citation:
Bergelson, Mira B. & Lenore A. Grenoble. 2026. Language policy in multiethnic countries: Current trends. *Russian Journal of Linguistics* 30 (2). 275–309. https://doi.org/10.22363/2687-0088-50145 EDN: CHGMKZ

© Mira B. Bergelson, Lenore A. Grenoble, 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Языковая политика в полиэтнических странах: современные тенденции

Мира Борисовна БЕРГЕЛЬСОН[1] ✉, Ленора А. ГРЕНОБЛЬ[2,3]

[1]*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация*
[2]*Чикагский университет, Чикаго, Соединенные Штаты Америки*
[3]*Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация*
✉mbergelson@hse.ru

Аннотация
В данной вводной статье рассматриваются современные теоретические и методологические тенденции в исследованиях языковой политики в многоязычных и полиэтничных обществах с особым вниманием к постсоветскому пространству и Российской Федерации. Опираясь на структурный, критический, экологический и урбанистический подходы в социолингвистике, авторы прослеживают эволюцию исследований языковой политики — от ранних моделей языкового планирования к современным концепциям, акцентирующим внимание на многоязычии, глобализации, социальном неравенстве и языковом возрождении. В статье интегрируются такие ключевые понятия, как управление языком, языковой рынок, речевая аккомодация, сверхразнообразие и деколониальные критики концепта «носитель языка». Особое внимание уделяется сложностям, возникающим между государственным управлением языковой сферой «сверху» и языковыми практиками сообществ «снизу», особенно в условиях городского многоязычия и среди носителей исчезающих языков. Также рассматривается возрастающая роль языковой документации и ревитализации, включая современные инициативы в России, направленные на сохранение языкового разнообразия посредством научно обоснованных и ориентированных на сообщества подходов. В заключение представлены статьи данного специального выпуска, посвященные вопросам языковой политики, идентичности, многоязычного образования, поддержания и возрождения языков в различных глобальных и локальных контекстах. В совокупности материалы выпуска демонстрируют, что многоязычие является нормальным состоянием современного общества и требует гибких, многоуровневых и социально ориентированных моделей языковой политики.
Ключевые слова: *языковая политика, многоязычие, сверхразнообразие, языковой рынок, миноритарные языки, ревитализация*

Для цитирования:
Bergelson M.B., Grenoble L.A. Language policy in multiethnic countries: Current trends. *Russian Journal of Linguistics.* 2026. Vol. 30. № 2. P. 275–309. https://doi.org/10.22363/2687-0088-50145 EDN: CHGMKZ

1. Introduction

Language policy serves as a primary instrument for managing the inherent diversity of the modern global world. Our contemporary multilingual and multicultural world demonstrates that the diversity dominating cities and organizations is fundamentally rooted in communication between various sociocultural, ethnolinguistic and even occupational groups. These interactions,

grounded in specific cultural contexts, often involve conflicting interests where linguistic choices can result in collaboration, conflict, or a complex manifestation of both. In multiethnic countries and regions, the necessity for informed policy-making spans the entire geographic and social spectrum, from metropolitan hubs to small towns and rural areas. The principles of crafting a reasonable and efficient language policy must account for the multiple identities of its actors, identities that are not merely linguistic or ethnic, but also regional, local, and shaped by mobility, migration status, and professional or educational backgrounds (Alpatov 2000, Ricento 2006). Contemporary language policy is no longer a monolithic, top-down state project of engineering national identity. Rather, it is a multi-scalar site of struggle where official ideology meets the neoliberal commodification of language and the organic, often resistant, multilingualism of urban spaces. For these reasons, issues of language policy and management remain at the epicenter of modern sociolinguistic inquiry (Alpatov 2015, Savva 2024, Spolsky 2021).

This special issue on language policy in multilingual, multicultural, multiethnic and superdiverse contexts is organized around questions raised in the papers delivered at the Sociolinguistic sessions of The First Eurasian Congress of Linguists that took place in Moscow on 9–13 December, 2024. The aim of this volume is to bring together studies of specific linguistic situations and practices, particularly regarding the support of endangered and minority languages, with comprehensive theoretical and methodological reflections on multilingualism. Current trends in research on language policy, language management, language ecology and attitudes are represented in the papers in the present volume, along with the case studies of multilingual education, language maintenance, and construction of ethnic and linguistic identity.

In this introductory paper we review core global theoretical paradigms with specific case studies, from the post-Soviet space and beyond. The key focus is on synthesis of structural, critical, urban, and ecological approaches to language planning and management. In Russia, research on the management of linguistic diversity is currently in its most active phase. The *Decree on Foundations of National Language Policy*, rooted in constitutional guarantees for the protection of languages and cultures, was recently signed by the President of the Russian Federation (Ukaz No. 474, 2025), and State Duma is working (as of May 2026) on the Federal Law on Languages of the Russian Federation (Federal Law). Thus, this issue arrives at a critical juncture.

While the state and its institutional structures remain the indisputable primary actors in policy making, the implementation of policy is most conspicuous in the school system. In the schools, teachers and administrators function as de facto policy makers, though their powers are dependent on the parents' language ideologies. Simultaneously, an essential group of stakeholders includes the language communities themselves, whose cultural and linguistic support activities provide the "bottom-up" counterpart to state directives (Pavlenko 2008, Matras & Robertson 2015). Modern theoretical approaches to language policy and planning

demand the analysis of maximally broad contexts, where relevant factors include geography, climate, resources, demography, technology, and even systemic issues such as corruption or global health crises (Spolsky 2021, Ricento 2000). This expansion effectively grows the pool of stakeholders to include complex networks of human and non-human actors.

2. The evolution of language policy research

The study of how societies manage their linguistic repertoires has evolved from a technocratic problem-solving approach to a critical inquiry into power, identity, and globalization. This section synthesizes the trajectory of the field through its foundational literature. The following narrative traces the evolution of language policy (LP) research from its early origins to contemporary critical and urban frameworks. A historical perspective allows us to catch the transition from 19th-century "one nation, one language" ideals to the complex management of minority and endangered languages in the 21st century. It is accompanied by the paradigm shift from classical *language planning* to *language management* and *critical language policy*.

Initially, the term language planning was introduced by Uriel Weinrich in 1957 (see Lo Bianco 2010), establishing the initial framework for language planning. Kloss (1969) introduced a fundamental distinction between *corpus planning*, which targets the internal structure and vocabulary of a language, and *status planning*, which addresses its standing and function within society. This binary remains a primary tool for analyzing the structural mechanics of language laws. Rubin and Jernudd (1971) advanced an early rationalist perspective, framing language as a strategic national resource to be managed much like any other economic asset. Their approach emphasized goal-oriented planning designed to optimize communication for national development. Fishman (1974) expanded the discipline into the sociology of language, explicitly linking linguistic planning to broader patterns of social change and communal identity. He argued that language management is deeply intertwined with how ethnic and national groups define themselves. Related is *Communication Accommodation Theory* (CAT), which explains how individuals psychologically adjust their speech patterns in multiethnic interactions. In its early development, CAT focused on how, when and where speakers change their speech patterns to accommodate to their interlocutors (Giles 1973, Giles et al. 1973, Coupland 1984). This theory provides a micro-level understanding of the structural approach, highlighting the tension between personal practice and official status.

Integrating language planning with comprehensive social theory, Cooper (1989) moved the field beyond state-centric models. He emphasized that non-state actors and grassroots social movements are often the primary drivers of linguistic transformation. Building on this momentum, Tollefson (1991, 2013) founded *Critical Language Policy* (CLP), asserting that state-led planning is rarely neutral and often serves to reproduce social inequality and state power. His critical approach questions who truly benefits from language reforms, particularly in

polyethnic societies. Bourdieu (1991) introduced the theory of *Social Capital*, which treats language as a form of symbolic power within a competitive market. This perspective is essential for understanding why speakers may prioritize globalized languages over state languages based on their perceived economic value. Fishman (1991) later introduced the *Graded Intergenerational Disruption Scale* (GIDS) as a framework for *Reverse Language Shift* (RLS). This became a cornerstone of the ecological approach, providing a roadmap for preserving endangered and minority languages against dominant linguistic forces. Skutnabb-Kangas (2000) brought a human rights focus to the field by highlighting the *linguistic genocide* caused by exclusionary educational policies. Her work argues for the legal necessity of linguistic human rights to protect the heritage of marginalized groups. Pennycook (2001) utilized critical applied linguistics to critique the role of global English as a tool of post-colonial dominance. He argues that the spread of English is a politically charged process that often marginalizes local knowledge and indigenous codes. The *Continua of Biliteracy* was developed in Hornberger (2003) to analyze the diverse ecological niches where minority languages can coexist with dominant ones. This model helps researchers understand how educational policy can either restrict or empower multilingualism. Spolsky (2004, 2009) revolutionized the field with the theory of *Language Management*, proposing a triad of *linguistic practices*, *beliefs* (ideology), and explicit *management*. His framework is a primary tool for analyzing how laws correlate with, or diverge from, actual daily usage. Shohamy (2006) exposed the *hidden agendas* of language policy, focusing on how high-stakes testing acts as a gatekeeping mechanism. She demonstrated that standardized assessments are frequently used to enforce linguistic hierarchies and exclude specific social groups. Blommaert (2010) analyzed sociolinguistics under the pressures of globalization, shifting the focus to urban *superdiversity* and multiscalar communication. His work provides the foundation for the urban approach, treating the city as a dynamic site where globalization transforms traditional policy. Wright (2016) traced the historical trajectory of language policy from 19th-century nationalism to the current neoliberal era. Her work highlights the shift from ideals of "one nation, one language" toward a globalized market where language is increasingly treated as a commodity (see also Muth 2017 and the special issue of the Russian Journal of Linguistics 2017, 21(3), dedicated to the commodification of Russian).

3. Theoretical frameworks: Actors, scales and contexts

If the history of the field shows us what happened, theory explains why it continues to happen and how different variables (state power, community identity, and economic pressure) interact. The gap between a historical timeline and abstract theoretical models is bridged by some pivotal concepts (Johnson 2013). For example, in Richard Ruiz's (1984) seminal framework of *Language Orientations,* he argues that how a state sees language determines its policy. The motivations behind any language policy fall into three categories, or what Ruiz calls

orientations, a term that highlights how states align themselves with them to shape the direction of policy:

• Language-as-Problem: Seeing language diversity as a threat to national unity or a barrier to economic progress (e.g., the historical 'Americanization' schools or early Soviet 'Russification').

• Language-as-Right: Focusing on legal protections for minorities to use their tongues in courts and schools (e.g., the European Charter for Regional or Minority Languages).

• Language-as-Resource: Viewing multilingualism as a cultural and economic asset for the whole country (e.g., modern Singapore or Luxembourg).

To understand the current state of affairs of language situations in multiethnic countries, we must analyze the correlation between legislative intent and sociolinguistic reality. This section explores the structural foundations of language policy through several key theoretical lenses, summarized in Table 1.

Table 1. **Theoretical Frameworks in Language Policy**

Approach	Key Question	Analytical Focus
Structural	How do laws correlate with actual practice?	The ratio between official state language status and its functional use in business/private sectors
Critical	Who benefits from language reform?	Elite bilingualism versus the linguistic isolation of rural or marginalized regions
Ecological	How can linguistic diversity be preserved?	Support mechanisms for indigenous and minority languages

3.1. Language management theory (LMT) and the Spolsky triad

At the heart of the structural approach is the interaction between three components as defined by Spolsky (2004):

- *Language Practices*: The actual habits of the population (e.g., code-switching in post-Soviet urban centers).
- *Language Beliefs* (Ideology): The values assigned to languages (e.g., the symbolic status of the state language vs. the utility of a *lingua franca*).
- *Language Management*: Explicit efforts by the state to influence the other two components through laws and education.

The utility of these three components can be illustrated by turning to Singapore, where the linguistic situation can be presented in this frame as follows:

1. Management: The state mandates four official languages (English, Mandarin, Malay, Tamil) and runs the "Speak Mandarin Campaign."
2. Ideology: English is the language of "bread" (the economy), while the others are languages of "heart" (culture).
3. Practice: Despite management, many citizens speak Singlish (a creole).

The clash between management (speak Mandarin) and practice (Singlish) perfectly illustrates Spolsky's tension (Spolsky 2009).

3.2. Theory of language dynamics and socialization

This approach models the competitive 'survival' of languages in polyethnic states. Language policy functions through *Language Socialization* (Schieffelin & Ochs 1986), a theory which focuses on both socialization through language use and socialization to use language. Educational systems and family units may reproduce or resist official language hierarchies. This happens primarily within the school system, where children are conditioned into specific linguistic hierarchies. However, the *Theory of Language Dynamics*, which studies languages as a complex adaptive system (De Bot et al. 2007) states that rather than existing static structures, language is a system that changes over time, which suggests that these hierarchies are unstable. When the state's management conflicts with the *social capital*, the economic value of a language (Bourdieu1991), speakers often adapt their practices toward the more "valuable" code, regardless of official status.

3.3. Speech accommodation and adaptation

The theory of *Speech Adaptation* (or *Accommodation*) provides a micro-level view of power mechanics analyzing how individuals adjust their speech in multiethnic interactions (e.g., the use of lingua franca in professional settings) (Giles 1974, 2016, Giles et al. 1973). In polyethnic states, speakers engage in *convergence* or *divergence* to signal solidarity or social distance.

Hybrid models are used to describe situations where official policy and factual dominance coexist in a state of permanent tension. It is often seen in the urban metropole where global influences complicate state engineering (Sassen 2001, Vertovec 2007). There, official bilingualism exists alongside the dominance of one language, and adaptation becomes a survival strategy for navigating the linguistic market (Bourdieu 1991, Giles 2016).

Centrifugal Models is a term that comes from work in political science, associated with Sartori's (1976) seminal work on political parties. Centrifugal models are used to explain how different forces may push parties to a more extreme position, or they may drive a wedge between centralized forces. In linguistics, these models can be used to illustrate how users may move away from a standardized linguistic norm to a more local variety, or to favor one language over another. For example, active nationalization and the systematic displacement of former *lingua francas* can act as centrifugal forces, as in the post-Soviet space where national languages are aggressively promoted over use of Russian as a language of wider communication (Smagulova 2008, Smagulova & Madiyeva 2021). Case studies of active nationalization further include the shifting role of Russian in the Trans-Caucasus and the Baltics.

4. Critical and socio-economic perspectives: Linguistic market vs documentation and revitalization

This section points to the tension between language as a tool of state power and language as a resource for community identity. While *Critical Language Policy* (CLP) exposes how state structures reproduce inequality, the *Neoliberal Approach* analyzes how market forces dictate the so-called value of a language. In the context of endangered languages, it means that the focus shifts from mere state planning to active documentation and revitalization efforts. The *Social Capital* theory (Bourdieu 1991, 1986) examines language as a form of symbolic and economic capital. The *Neoliberal Approach* looks into how market value dictates language choice, often undermining efforts to revitalize indigenous or minority codes.

The focus shifts from language planning on the issues of power and inequality, especially in education. The main thesis of all critical approaches is that language policy is never neutral; it always serves the interests of the dominating groups and societies. The marginalization of local codes by global languages (first and foremost English, but other languages as well) is often described as *linguistic imperialism*. (See the articles in Tollefson & Milans 2018.) From the perspective of migration and human rights, this takes the form of institutional exclusion through the language testing as a filter to the labor market or citizenship (Skutnabb-Kangas 2000). These topics are in the center of the most heated discussions in modern scholarship.

Under the critical framework, language documentation is not a neutral scientific act but a political one. Documentation as resistance challenges the notion of linguistic genocide (Skutnabb-Kangas 2000) by validating the existence of marginalized codes. This approach is manifested as *Decolonizing the Archive* (Senier 2014): documentation serves to counteract the historical *invisibilization* of minority groups in multiethnic states (Hughes-Watkins 2018), and the *Power of Recognition*, when researchers codify an endangered language, provides the community with the symbolic tools necessary to claim linguistic human rights. The power of recognition in endangered language work is a multifaceted, interdisciplinary tool that operates at the intersection of linguistics, psychology, politics, technology, and social justice (Sallabank 2011). It refers to the formal or informal acknowledgement of a language's worth, legitimacy, and right to exist, which can profoundly influence its revitalization and vitality

4.1. Ecological approaches, documentation and revitalization

The term *language ecology* reflects the main idea of this approach: viewing languages as part of a fragile ecosystem requiring protection. This influential line of scholarship (starting with Haugen 1972) states that languages are not just tools for communication, but biological and cultural resources that store unique ecological knowledge. Mühlhäusler (1996) highlights how the spread of colonial ‘killer languages’ disrupts local environments by erasing the traditional names and

management practices tied to indigenous landscapes. Thus, strategies supporting endangered languages may be compared to efforts to save endangered biological species, and both aim at maintaining diversity of the world. In this connection, Fishman (1991, 2001) introduced the concept of *Reverse Language Shift* (RLS) in the sense of defining strategies for supporting endangered languages. Drawing on global cases including the Circumpolar North (Grenoble 2018, 2025, Vakhtin 2005), the focus of this approach is concentrated on the *role of agency*, namely on the issues of how speaker communities navigate state management to reclaim linguistic identity. Language policy serves here as an instrument for healing historical traumas.

A functional divide between *documentation* vs. *revitalization* emphasizes a critical distinction between these two processes. If documentation is often an academic-led effort to preserve the linguistic data for future generations, then revitalization is more a social effort to restore intergenerational transmission and functional language use in daily life. Documentation fieldwork with the remaining speakers of endangered languages, elicitation techniques for collecting vocabulary and writing a grammar are supplemented with collecting various discourses and organizing them in the data corpora. (For more information and discussion, see Austin 2016, 2021, Bowern 2008, Chelliah & de Reuse 2011, Gippert et al. 2006, Grenoble & Whaley 2006, Himmelmann 1998, Kibrik 1977).

Revitalization of languages is a much broader and less academic approach that involves informed specialists, language activists and others who could benefit from the state, top-down involvement based on rigorous programs (King 2001, Olko & Sallabank 2021, Zuckermann 2020). Still, the first and main role is played by the language community itself. (See also Perlin 2024 and a review of his book in this volume.)

4.2. Systematic revitalization: The Russian experience

The theoretical framework of modern language policy in Russia is based on the necessity of active institutional management. The comprehensive *Program for the Preservation and Revitalization of the Languages of Russia* proposed by the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Kibrik 2021) argues that the natural course of linguistic evolution in the 21st century, driven by mass media, urbanization, and global economic integration, tends toward the loss of minority languages. The central idea of the Program is to boost intergenerational language transmission wherever feasible. Three necessary conditions for language revitalization include engaging local activists, administrative and financial support, and the scientific validity of the methodology (Kibrik 2021).

Building upon the ecological traditions of Fishman (1991) and Hornberger (2003), Kibrik (2021) emphasizes that documentation is only the first step. His approach advocates for a move from archive-centered linguistics to speaker-centered revitalization, to the programs and community-led initiatives that bypass traditional top-down management.

This approach is shared by the authors of this special issue: survival of a language depends not only on the number of speakers but on its sociolinguistic health, which requires scientifically grounded, systemic studies, monitoring and appropriate intervention based on research. The success of revitalization depends on whether these languages can move beyond being 'museum pieces' (documentation) and regain *social capital* in the modern linguistic market (Hinton et al. 2018).

Languages are rapidly becoming extinct worldwide. Russia is no exception to this trend. According to a recent assessment, there are 150 to 160 languages of Russia.The work of the Scientific Center for Language Preservation at the Institute of Linguistics (RAS) represents a significant structural response to these global trends within the Russian and post-Soviet space (2024). The *Linguistic Diversity of Russia* project at the Center focuses on the systematic assessment of language vitality across Russia's polyethnic landscape. This involves sociolinguistic monitoring, identifying the specific stages of language loss according to updated disruption scales, implementing revitalization models (such as the *language nest model*). Much attention is paid to the propagation of the value of multilinguality among the general public.

Documentation serves as a primary effort for many endangered languages because it provides a corpus of data required for modern pedagogical materials, ensuring that minority languages can be socialized in contemporary urban and digital environments.

5. Urban linguistics and global perspectives

Urban centers represent the most volatile sites of language policy, where tension between top-down *language management* and bottom-up *language practices* is visible. While state policies often aim for homogenization, the modern metropolis functions through *superdiversity* (Vertovec 2007), creating linguistic realities that frequently bypass official legislation. The city is reframed not as a recipient of state policy, but as a dynamic linguistic lab where global migration, historical legacies, and local agency collide. As outlined in the *Urban approach*, the city is not merely a geographic location but a dynamic agent where new linguistic variants, such as *New Russian* or *New Uzbek*, emerge in response to globalization and urban hybridity. Different global metropoles — New York, Moscow, Manchester, Montreal and others — respond to the superdiverse reality be it official bilingualism or factual dominance, the emergence of new urban dialects, or code-switching practices (King & Carson 2016).

The myth that Moscow, a capital city of a highly centralized country, is a monolingual center is challenged in Bergelson and Zoumpalidis (2024) revealing a complex "hidden" diversity driven by migration from Central Asia and the Caucasus. The city acts as a site of *speech accommodation* where migrant languages persist in private and semi-public spheres despite an official Russian-only policy

environment. In the city, the titular language often loses its traditional markers and becomes a metropolitan version, hybridized and modernized.

Different aspects of urban multilingualism are illustrated in a variety of cities (see Hussain et al. 2025, Leontovich & Kotelnikokva 2022, Pavlenko 2017, Pütz 2020, Zoumpalidis & Şimşek 2025, and others). New York represents the global peak of linguistic diversity (Perlin 2024). The city's social networks allow speakers to maintain mother tongues that lack official support in their countries of origin. *Regulated* vs. *Organic Multilingualism* can be illustrated by the Montreal and Manchester cases. Montreal represents the top-down interventionist model. Quebec's linguistic laws attempt to strictly manage the linguistic landscape to ensure the dominance of French (Heller 2003, Levine 1990). However, the everyday urban dynamics of Montreal remains stubbornly bilingual, illustrating the limits of state management when faced with the economic capital of English. Manchester presents an organic model of multilingualism (Matras 2024, Matras & Roberston 2015). Its diversity is not a problem to be managed, but a functional system where community languages are integrated into public services and local identity, creating a resilient social capital for immigrant communities. The city fosters a hybrid linguistic environment where the organic use of multiple codes in the urban landscape naturally resists state-mandated monolingual ideals.

Superdiversity and global patterns, language commodification and public signage can be further demonstrated in the cases of Melbourne, Hamburg (Clyne 2006, Duarte & Gogolin 2013), Tashkent and Almaty (Smagulova 2008). In the first two metropolitan cities, the sheer number of linguistic variables makes traditional minority rights frameworks obsolete. Cities like Tashkent and Almaty occupy a unique middle ground. They experience centrifugal nationalization (the push for Uzbek or Kazakh) while simultaneously acting as hubs for global English and the lingering functional dominance of Russian as an urban *lingua franca*. Smagulova (2008) calls this "elite bilingualism," when the metropolitan identity is marked by the ability to navigate between Russian (the old lingua franca), Kazakh (the state symbol), and English (the global neoliberal commodity). This new multilingualism is not about ethnic roots, but about urban mobility.

The common thread across these metropolises is their diverse linguistic landscapes that allows for reading the city as a text through signage, advertisements, and digital presence. Ultimately, the city transforms the core question of language policy from a search for legal correlation to an analysis of how urban dynamics redefine the *value* and *utility* of languages in a globalized market. Another common feature is the emergence of "new" language variants forged in the globalization context (see Shaibakova et al. 2023, Proshina 2026).

6. The problem of "native language" and "native speaker"

Since the beginning of the 20th century and even earlier, the ultimate goal of studying foreign languages has been to achieve a level of language proficiency that matches that of a native speaker. The concept of native speakers was once a solid

and unquestionable category. However, in today's globalized world, this approach, known in English as native-speakerism, is quickly becoming outdated as it "suppresses the freedom of thought and expression as fundamental human rights" (Hino 2021: 528) and does not allow one to express one's self. Things changed when urbanization and mass migrations of the 20th and 21st centuries led to creation of the new diasporas and emergence of the next generations (2nd and 3rd) of the migrants. The category of native speaker lost its 'purity' and homogeneity as the very term *native language* could be redefined as mother tongue (=the first language a person acquired in childhood), the language one speaks at the highest proficiency level, the language used in the majority of context and practices, and the language of the group a person identifies with. These four basic criteria defining the native language (*origin, competence, function, identification*) are often not harmonized and conflict with each other. So, sociolinguistics could no longer use this term as a prototypical category, relying instead on models based on one criteria only (Guermanova 2024).

Scholars working within the *Critical language policy* (CLP) approach have long questioned how the *native speaker* ideal is used to reinforce social hierarchies. Tollefson (1991**)** founded the CLP framework, arguing that language planning, including the promotion of specific "native standards," reproduces social inequality and state power. The same kind of critique targeted the concepts of *mother tongue* and *native language*, arguing that these terms are often ideologically loaded constructs rather than neutral descriptions of linguistic reality. This view was expanded by Blommaert (2010). Analyzing sociolinguistics under globalization, he critiqued traditional views of the native speaker by highlighting how individuals navigate complex urban environments using diverse linguistic repertoires that do not fit neatly into single-language categories. Wright (2016) traced the historical shift from 19th-century nationalism, which relied heavily on leveraging the concept of a mother tongue as a symbol of the nation-state, to a neoliberal era where language is increasingly treated as a marketable commodity. Pennycook (2001) analyzed the role of global English within the critical applied linguistics framework, arguing that Western academic traditions have used the concept of native language to maintain post-colonial dominance over local and indigenous codes.

6.1. Decolonial and epistemological critiques

The recent volume *Insecurities in Language Policy and Planning* (Makoni et al. 2026) offers a sustained critique of the taken-for-granted categories that have long structured the field, such as the term "(native) speaker." In this view, language policy and planning are entangled with colonial histories of standardization that have contributed to processes of control and exclusion. Gafaranga (2026) suggests that researchers should consider suspending use of the term *language* as a fixed analytic category altogether, using it only when it is explicitly invoked by the speakers themselves. Karlander and Salö (2026) trace the origins of *semilingualism*,

a concept often used to pathologize those whose linguistic practices do not align with idealized "native" norms, exposing its ideological roots as a deficit model.

Still, if we deconstruct the *native speaker* or the *named language* too far, we might inadvertently support a market-style linguistic chaos where only the most powerful languages (English or Russian) survive. Critics of the neoliberal/anticolonial turn in sociolinguistics often argue that terms like *translanguaging* or the *deconstruction of named languages* can act as a *neoliberal trap*: by claiming that boundaries between languages do not exist, we risk stripping minority groups of the very tools (standardized, "pure" languages) they need to claim legal rights and state protection.

7. Mapping the special issue: From global scapes to local practices

The ten articles in this issue form a scholarly mosaic, sequenced to seamless transition from overarching theoretical and ideological frameworks to granular empirical analyses of sociolinguistic cases. The articles directly address the preceding theoretical issues, bridging the gap between historical legacies and current trends.

The volume opens with **Camiel Hamans**, who explores the social feasibility of accommodating minority languages within national structures. By analyzing the historical emergence of national standards — from the linguistic ideologies of the French Revolution to German Romanticism — Hamans warns against "linguistic essentialism." He argues that the violent disputes seen in places like Spain and Belgium can only be mitigated through an anti-essentialist approach characterized by diversity and tolerance.

Complementing this, **Konstantin Zamyatin** provides a critical analysis of the current efforts to conceptualize linguistic diversity within the Russian legislative framework. Drawing on participant observation and discourse analysis of official drafting processes, Zamyatin reveals the inherent difficulties in operationalizing "preservation" when official definitions remain broad. His work highlights the tension between the symbolic inclusion of diversity in policy goals and the practical needs of language activists on the ground.

The critical importance of methodology and institutional data is addressed by **Gulnara Gabdrakhmanova** and **Nikolai B. Vakhtin**. They offer a rigorous critique of the 2020–2021 Russian Census, using Haugen's ecology of language framework to demonstrate how technical and terminological shortcomings can distort our understanding of language endangerment. Their analysis of ten indigenous languages in Yakutia shows that census data can produce 'ghost' increases or decreases that do not reflect the actual sociolinguistic health of these communities.

Lenore Grenoble further expands the theoretical horizon by applying Appadurai's (1996) *Scape theory* to a comparative study of Greenland and Yakutia. By examining the interplay of ethnoscapes, technoscapes, and mediascapes, Grenoble demonstrates that language policy cannot be successful if it ignores global

flows of people and technology. Her research emphasizes that indigenous languages must find a 'digital niche' to survive in an era where 98% of the population is interconnected via the internet.

The volume then transitions into the complex world of identity negotiation. **Dionysios Zoumpalidis** and **Mira B. Bergelson** provide an in-depth life-history analysis of Sakhalin Koreans across four generations. Their work shows that language shift is not a simple linear process toward Russian. Instead, families develop strategic repertoires involving "kitchen Korean" and symbolic ties to popular culture to navigate a century of the Japanese colonial displacement and adaptation to the political and social demands of the Soviet era.

The role of the educational system, which is a key site of policy implementation, is examined by **Dick Smakman** in the context of the Netherlands. Smakman highlights the disconnect between the inclusive rhetoric of international bodies (UNESCO, EU) and the "language-as-problem" orientation found in Dutch classrooms. His study illustrates how the exclusion of heritage languages (Turkish, Arabic, Polish) from the curriculum reinforces educational inequities.

The next two papers address specific cases of language contact and hybridity. **Mariya Yu. Nekrasova** examines the persistence of Ukrainian lexical elements in Sevastopol. Her functional analysis shows that despite shifting political boundaries, Ukrainian remains a pragmatic and emotional resource in everyday speech, used for everything from sarcastic interjections to self-identification of the locals vs. newcomers. Finally, **Víctor Lara Bermejo** challenges the status of Llanito in Gibraltar. Based on extensive fieldwork, he argues that Llanito is not a distinct variety or language, but rather a manifestation of code-switching in a society rapidly moving toward English monolingualism, illustrating the final stages of language shift.

This special issue concludes with a final paper on multilingualism in Yakutia by **Igor A. Danilov**, who investigates the "symbolic power" of Northern minority languages. Danilov identifies a paradoxical trend: as the communicative functionality of languages like Yukaghir or Even declines, their symbolic value as markers of ethnic identity increases. This "symbolic revitalization" poses a challenge for policy-makers who must decide whether to support language as a tool for communication or as a vessel for heritage

8. Conclusion: Toward a multi-scalar model where multilingualism is the norm

Collectively, these papers demonstrate that language policy in the post-Soviet space and elsewhere reveals a fundamental tension that mirrors global shifts: the conflict between state efforts to manage national identity and the organic reality of human communication. While regional nationalization efforts often demonstrate global patterns of securitization, the actual practices of speakers tell a different story.

Language policy involves continuous interaction and compromises between different processes. In reality, multilingualism is not an 'insecurity' to be solved,

but the normal state of affairs for both individuals and the societies that unite them. As demonstrated through the theory of social capital and speech accommodation theory, individuals naturally navigate multiple discourse communities, shifting between codes to build solidarity and access economic opportunities. Whether in the hidden multilingualism of Moscow or flourishing of the many languages of New York, linguistic practices are governed by a multi-scalar logic that transcends top-down engineering.

By integrating the critical, structural, urban, and ecological approaches, we move away from deficit models like semilingualism. Instead, we recognize that society is held together not by a single standardized code, but by the dynamic interplay of diverse linguistic repertoires. The modern multiethnic countries, with their centrifugal models of nationalization and their complex urban hybrids, provide essential data for a world increasingly defined by superdiversity and neoliberal commodification of language. The studies presented here serve both as a record of our current multilingual reality and a roadmap for managing the complex ethnic and linguistic landscapes of the 21st century.

RU

1. Введение

Языковая политика служит основным инструментом управления многообразием, присущим современному глобальному миру. Наш современный многоязычный и многокультурный мир демонстрирует, что в основе многообразия, доминирующего в городах и организациях, находятся коммуникативные взаимодействия между различными социокультурными, этнолингвистическими и даже профессиональными группами. Это взаимодействие, погруженное в конкретные культурные контексты, часто связано с конфликтующими интересами. В результате языковой выбор может привести к сотрудничеству, конфликту или сложному проявлению того и другого. В полиэтничных странах и регионах необходимость принятия обоснованных решений в области языковой политики охватывает весь географический и социальный спектр — от мегаполисов до небольших городов и сельской местности. Принципы разработки разумной и эффективной языковой политики должны учитывать множественные идентичности ее участников, не только языковую или этническую, но и региональную, местную, а также формируемые мобильностью, миграционным статусом и профессиональным или образовательным опытом (Алпатов /Alpatov 2000, Ricento 2006). Современная языковая политика более не является монолитным, централизованным (top down) государственным проектом по формированию национальной идентичности. Скорее, это многоуровневая площадка борьбы, где официальная идеология сталкивается с неолиберальной коммерциализацией языка и органическим, зачастую протестным, многоязычием городских пространств. По этим причинам вопросы языковой политики и управления остаются в эпицентре современных

социолингвистических исследований (Алпатов /Alpatov 2015, Savva 2024, Spolsky 2021).

Этот специальный выпуск, посвященный языковой политике в многоязычных, поликультурных и полиэтничных контекстах сверхразнообразия, организован вокруг вопросов, поднятых в докладах, представленных на социолингвистических сессиях Первого Евразийского конгресса лингвистов, состоявшегося в Москве 9–13 декабря 2024 г. Цель этого тома — объединить исследования конкретных языковых ситуаций и практик, в частности, касающихся поддержки исчезающих и миноритарных языков, с всесторонними теоретическими и методологическими исследованиями многоязычия. В представленных статьях отражены современные тенденции в исследованиях языковой политики, управления языком, языковой экологии и языковых идеологий, а также тематические исследования многоязычного образования, сохранения языка и формирования этнической и языковой идентичности.

В вводной статье мы рассматриваем основные глобальные теоретические парадигмы на конкретных примерах из постсоветского пространства и за его пределами. Основное внимание уделяется синтезу структурных, критических, урбанистических и экологических подходов к языковому планированию и управлению. В России исследования в области управления языковым многообразием в настоящее время находятся в наиболее активной стадии. Недавно Президент Российской Федерации подписал Указ об основах национальной языковой политики, основанный на конституционных гарантиях защиты языков и культур (Указ № 474, 2025), а Государственная дума (по состоянию на май 2026 г.) работает над Федеральным законом о языках Российской Федерации (Федеральный закон). Таким образом, данный выпуск актуален и выходит в критически важный момент.

Хотя государство и его институциональные структуры остаются бесспорными главными действующими лицами в процессе принятия политических решений, реализация языковой политики наиболее заметна в школьной системе. В школах учителя и администраторы фактически выступают в роли лиц, принимающих политические решения, хотя их полномочия зависят от языковой идеологии родителей. Одновременно с этим важной заинтересованной стороной являются сами языковые сообщества, чья культурная и языковая поддержка обеспечивает противовес снизу (“bottom up”) государственным директивам (Pavlenko 2008, Matras & Robertson 2015). Современные теоретические подходы к языковой политике и планированию требуют анализа максимально широкого контекста, где к существенным факторам относятся география, климат, ресурсы, демография, технологии и даже системные вопросы, такие как коррупция или глобальные кризисы в здравоохранении (Spolsky 2021, Ricento 2000). Эта широта фактически увеличивает число заинтересованных сторон, включая в них сложные взаимодействия человеческих субъектов и природных и общественных факторов.

2. Эволюция исследований в области языковой политики

Изучение того, как общество справляется с языковыми различиями, эволюционировало от технократического проблематизирующего подхода к критическому исследованию политики власти, идентичности и глобальных процессов. В этом разделе дается общая траектория развития этой области исследований через призму основных работ, заложивших ее фундамент. Мы прослеживаем эволюцию исследований в области языковой политики (ЯП) от ее истоков до современных критических и урбанистских концепций. Историческая перспектива позволяет нам проследить переход от идеалов «одна нация — один язык» XIX в. к сложному управлению языками меньшинств и исчезающими языками в XXI в. Этот переход сопровождается сдвигом парадигмы от классического языкового планирования к языковому управлению и критической языковой политике.

Первоначально термин «языковое планирование» был введен Уриэлем Вайнрихом в 1957 г. (см. Lo Bianco 2010), заложившим основу для языкового планирования, Kloss (1969) ввел принципиальное различие между корпусным планированием, которое нацелено на внутреннюю структуру и лексику языка, и статусным планированием, которое рассматривает положение и функцию языка в обществе. Эта бинарная оппозиция до сих пор остается основным инструментом анализа структурных механизмов законов о языке. Rubin & Jernudd (1971) развивали эти рационалистические взгляды, рассматривая язык как стратегический национальный ресурс, которым следует управлять так же, как и любым другим экономическим активом. Их подход подчеркивал целеориентированное планирование, направленное на оптимизацию коммуникации для национального развития. Fishman (1974) привнес в дисциплину социологию языка, явно связав лингвистическое планирование с более широкими моделями социальных изменений и идентичности. Он утверждал, что управление языком тесно связано с тем, как этнические и национальные группы определяют себя сами. С этим связана теория коммуникативной адаптации (CAT), которая объясняет, как люди неосознанно корректируют свое речевое поведение в межэтнических взаимодействиях. На ранних этапах своего развития CAT фокусировалась на том, как и в каких ситуациях говорящие изменяют свои речевые модели, чтобы адаптироваться к собеседникам (Giles 1973, Giles et al. 1973, Coupland 1984). Эта теория обеспечивает микроуровень в структурном подходе, высвечивая противоречия между индивидуальными практиками и официальным статусом.

Объединяя языковое планирование и общую социальную теорию, Cooper (1989) вывел данную область за пределы государственноцентричных моделей. Он подчеркивал, что негосударственные субъекты и низовые социальные движения часто являются основными движущими силами языковой трансформации. Опираясь на этот импульс, Tollefson (1991, 2013) разработал критическую языковую политику (CLP), в рамках которой утверждается, что государственное планирование редко бывает нейтральным и часто служит для

воспроизведения социального неравенства и государственной власти. В его критическом подходе задается вопрос о том, кто действительно выигрывает от языковых реформ, особенно в полиэтничных обществах. Bourdieu (1991) предложил теорию социального капитала, которая рассматривает язык как форму символической власти на конкурентном рынке. Эта перспектива необходима для понимания того, почему носители языка могут отдавать приоритет глобализированным языкам перед национальными, основываясь на их предполагаемой экономической ценности. Fishman (1991) позже представил шкалу градуированного межпоколенческого нарушения (GIDS) в качестве основы для обратного языкового сдвига (RLS). Она стала краеугольным камнем экологического подхода, предложив дорожную карту для сохранения исчезающих и миноритарных языков и их защиты от воздействия доминирующих языков. Skutnabb-Kangas (2000) добавила в эту область исследования акцент на права человека, введя термин «языковой геноцид» (лингвоцид), вызванный дискриминационной образовательной политикой. В своей работе она доказывает юридическую необходимость языковых прав человека для защиты наследия маргинализированных групп. Pennycook (2001) использовал критическую прикладную лингвистику для критики роли глобального английского языка как инструмента постколониального доминирования. Он утверждает, что распространение английского языка является политически заряженным процессом, который часто маргинализирует местные традиционные знания и индигенные языки. Hornberger (2003) представил «континуум двуязычия» для анализа разнообразных экологических ниш, где языки меньшинств могут сосуществовать вместе с доминирующими языками. Данная модель помогает исследователям понять, как образовательная политика может либо ограничивать, либо расширять возможности многоязычия. Spolsky (2004, 2009) произвел революцию в этой области, предложив теорию управления языком, включающую триаду лингвистических практик, убеждений (идеологии) и эксплицитного управления. Его концепция стала основным инструментом анализа того, соотносятся ли законы и правила с реальным повседневным использованием языка или расходятся с ним. Shohamy (2006) обнажила скрытые цели языковой политики, сделав фокус на том, как тестирование, результаты которого имеют важные последствия для индивидуума, действует в качестве механизма контроля. Она продемонстрировала, что стандартизированные оценки часто используются для укрепления иерархии языков и исключения определенных социальных групп. Blommaert (2010) проанализировал социолингвистику в условиях глобализации, сместив акцент на городское сверхразнообразие и многоуровневую коммуникацию. Его работа закладывает основу для урбанистского подхода, рассматривая город как динамичное место, где глобализация трансформирует традиционную политику. Wright (2016) проследила историческую траекторию языковой политики от национализма XIX в. до современной неолиберальной эпохи. Ее работа подчеркивает переход от идеалов «одна нация — один язык» к глобализированному рынку,

где язык все чаще рассматривается как товар (см. также Muth 2017 и спецвыпуск журнала Russian Journal of Linguistics 2017, 21 (3), посвященный коммодификации русского языка).

3. Теоретические основы: действующие лица, масштабы и контексты

Если история данной области показывает нам, что происходило, то теория объясняет, почему это продолжает происходить и как взаимодействуют различные переменные (государственная власть, идентичность сообщества и экономическое давление). Разрыв между исторической хронологией и абстрактными теоретическими моделями преодолевается с помощью определенных ключевых положений (Johnson 2013). Например, в основополагающей концепции языковых ориентаций (Ruiz 1984) утверждается, что то, как государство воспринимает язык, определяет его политику. Мотивации, лежащие в основе любой языковой политики, делятся на три категории, или, как называет их Руис, *ориентации* — термин, указывающий на то, как государства выбирают ориентиры, чтобы сформировать направление политики:

- язык как проблема: восприятие языкового разнообразия как угрозы национальному единству или препятствия экономическому прогрессу (например, исторические школы «американизации» или ранняя советская «русификация»);
- язык как право: акцент на защите прав меньшинств на использование своего языка в судах и школах (например, Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств);
- язык как ресурс: рассмотрение многоязычия как культурного и экономического актива для всей страны (например, современный Сингапур или Люксембург).

Для понимания текущего положения дел в языковой сфере в полиэтничных странах необходимо проанализировать отношения между законодательными устремлениями и социолингвистической реальностью. В этом разделе мы рассматриваем структурные основы языковой политики с помощью нескольких ключевых теоретических подходов, обобщенных в таблице 1.

Таблица 1. **Теоретические основы языковой политики**

Подход	**Ключевой вопрос**	**Аналитический фокус**
Структурный	Как законы соотносятся с реальной практикой?	Соотношение между статусом официального государственного языка и его функциональным использованием в деловом/частном секторах
Критический	Кому выгодна языковая реформа?	Элитное двуязычие vs. языковая изоляция сельских или маргинализированных регионов
Экологический	Как сохранить языковое разнообразие?	Механизмы поддержки языков коренных народов и меньшинств

3.1. Теория управления языком (LMT) и триада Спольского

В основе структурного подхода лежит взаимодействие трех компонентов, как их определил Spolsky (2004):

• языковые практики: фактические привычки населения (например, переключение кодов в постсоветских городских центрах);

• языковые убеждения (идеология): ценности, присваиваемые языкам (например, символический статус государственного языка по сравнению с полезностью языка межнационального общения);

• управление языком: целенаправленные усилия государства по влиянию на два других компонента посредством законов и образования.

Проявление этих трех компонентов можно проиллюстрировать на примере Сингапура, где, используя эту рамку, языковая ситуация может быть представлена следующим образом:

• управление: в государстве установлены четыре официальных языка (английский, китайский (мандарин), малайский и тамильский), а также проводится кампания «Говорите на китайском языке» (Speak Mandarin Campaign);

• идеология: английский — это язык «хлеба» (экономики), а остальные — языки «сердца» (культуры);

• практика: несмотря на действия властей, многие граждане говорят на сингапурском диалекте английского языка (креольском диалекте Singlish).

Столкновение между управлением (говорить на китайском языке) и практикой (сингапурский английский) прекрасно иллюстрирует противоречие, описанное Б. Спольски (Spolsky 2009).

3.2. Теория динамики языка и социализации

Этот подход моделирует конкурентное «выживание» языков в полиэтничных государствах. Языковая политика функционирует через социализацию языка (Scheiffelin & Ochs 1986), теорию, которая фокусируется как на социализации посредством использования языка, так и на социализации для использования языка. Образовательные системы и семейные ячейки могут воспроизводить официальные языковые иерархии или сопротивляться им. Это происходит в основном в школьной системе, где дети приучаются к определенным иерархиям языков. Однако существует теория языковой динамики, которая изучает языки как сложную адаптивную систему (De Bot et al. 2007). Вместо того, чтобы быть статичной структурой, язык представляет собой систему, которая меняется со временем, что предполагает нестабильность иерархий. Когда государственное управление вступает в конфликт с социальным капиталом, экономической ценностью языка (Bourdieu 1991), носители языка часто адаптируют свою практику к более «ценному» коду, независимо от официального статуса.

3.3. Аккомодация и адаптация в речи

Теория адаптации (или аккомодации) речи предлагает микроуровневое представление о механизмах власти, основанное на анализе того, как индивиды корректируют свою речь в межэтнических взаимодействиях (например, использование лингва франка в профессиональной среде) (Giles 1974, 2016, Giles et al. 1973). В полиэтничных странах говорящие используют конвергенцию или дивергенцию, чтобы сигнализировать о солидарности или социальной дистанции.

Гибридные модели применяются для описания ситуаций, когда официальная политика и фактическое доминирование сосуществуют в состоянии постоянной дисгармонии. Это часто наблюдается в крупных городах, где глобальные факторы усложняют государственное управление (Sassen 2001, Vertovec 2007). В этих случаях официальное двуязычие существует наряду с доминированием одного языка и адаптация становится стратегией выживания на языковом рынке (Bourdieu 1991, Giles 2016).

Термин «центробежные модели» заимствован из политологии и связан с основополагающей работой Sartori (1976) о политических партиях. Центробежные модели используются для объяснения того, как различные силы могут подталкивать стороны к более экстремальным позициям или вбивать клин между силами, ориентированными на централизацию. В лингвистике эти модели могут использоваться для иллюстрации того, как пользователи отходят от стандартизированной языковой нормы, предпочитая ей локальные варианты или отдают предпочтение одному языку перед другим. Например, активная национализация и систематическое вытеснение бывших языков межнационального общения могут выступать в качестве центробежных сил, как, например, на постсоветском пространстве, где национальные языки активно продвигаются для замещения русского как языка широкого функционала (Smagulova 2008, Smagulova & Madiyeva 2021). Примерами активной национализации является изменение роли русского языка в Закавказье и странах Балтии.

4. Критические и социально-экономические перспективы: языковой рынок против документации и возрождения

В этом разделе мы обращаем внимание на противоречие между языком как инструментом государственной власти и языком как ресурсом для формирования идентичности сообщества. В то время как критическая языковая политика показывает, как государственные структуры воспроизводят неравенство, неолиберальный подход анализирует, как рыночные силы определяют так называемую ценность языка. В контексте исчезающих языков это означает, что акцент смещается с простого государственного планирования на активные усилия по документированию и возрождению языка. Теория социального капитала (Bourdieu 1991, 1986) рассматривает язык как форму символического и экономического капитала. Неолиберальный подход исследует,

как рыночная ценность определяет выбор языка, часто подрывая усилия по возрождению коренных или миноритарных языков.

В центре внимания при этом подходе оказывается не языковое планирование, а вопросы власти и неравенства, особенно в сфере образования. Главный тезис всех критических подходов заключается в том, что языковая политика никогда не бывает нейтральной; она всегда служит интересам доминирующих групп и обществ. Маргинализация местных кодов глобальными языками (прежде всего английским, но и другими тоже) часто описывается как лингвистический империализм (см. статьи в Tollefson & Milans 2018). С точки зрения миграции и прав человека, это принимает форму институциональной изоляции посредством языкового тестирования как фильтра для рынка труда или гражданства (Skutnabb-Kangas 2000). Эти темы находятся в центре самых острых дискуссий в современной науке.

В рамках критического подхода документирование языка — это не нейтральный научный акт, а акт политический. Документирование как сопротивление бросает вызов понятию языкового геноцида (Skutnabb-Kangas 2000), подтверждая и узаконивая существование маргинализированных кодов. Этот подход проявляется в деколонизации архива (Senier 2014): документирование противостоит исторической невидимости меньшинств в полиэтничных государствах (Hughes-Watkins 2018), а сила признания, когда исследователи кодифицируют исчезающий язык, предоставляет сообществу символические инструменты, необходимые для отстаивания языковых прав человека. Сила признания в работе с исчезающими языками — это многогранный, междисциплинарный инструмент, который действует на стыке лингвистики, психологии, политики, технологий и социальной справедливости (Sallabank 2011). Он относится к формальному или неформальному признанию ценности, легитимности и права языка на существование, что может глубоко повлиять на его возрождение и жизнеспособность.

4.1. Экологические подходы, документирование и возрождение

Термин «языковая экология» отражает основную идею этого подхода: рассматривать языки как часть хрупкой экосистемы, нуждающейся в защите. Это влиятельное направление исследований (начинающееся с работы Haugen 1972) утверждает, что языки — это не просто инструменты коммуникации, а биологические и культурные ресурсы, хранящие уникальные экологические знания. Mühlhäusler (1996) обращает внимание на то, как распространение колониальных «языков-убийц» нарушает местную среду, стирая традиционные названия и жизненные практики, связанные с местными ландшафтами. Таким образом, стратегии поддержки исчезающих языков можно сравнить с усилиями по спасению исчезающих биологических видов, и обе эти стратегии направлены на сохранение разнообразия мира. В этой связи Fishman (1991, 2001) ввел концепцию обратного языкового сдвига (RLS), описывая стратегии поддержки исчезающих языков. Опираясь на глобальные примеры, включая циркумполярный Север (Vakhtin 2005, Grenoble 2018, 2025), данный

подход стремится к сосредоточению на роли субъектности, а именно на вопросах того, как языковые сообщества взаимодействуют с государственным строительством для восстановления языковой идентичности. Языковая политика здесь выступает инструментом для исцеления исторических травм.

Функциональное разделение между документированием и возрождением подчеркивает важнейшее различие между этими двумя процессами. Если документирование часто представляет собой академическую инициативу по сохранению языковых данных для будущих поколений, то возрождение — это скорее социальная инициатива по восстановлению межпоколенческой передачи и функционального использования языка в повседневной жизни. Полевые исследования по документированию с оставшимися носителями исчезающих языков, методы сбора лексики и составления грамматики дополняются сбором различных дискурсов и их организацией в корпуса данных (для дополнительной информации и дискуссии см. Austin 2016, 2021, Bowern 2008, Chelliah & de Reuse 2011, Gippert et al. 2006, Grenoble & Whaley 2006, Himmelmann 1998, Kibrik 1977).

Возрождение языков — это гораздо более широкий и менее академический подход, который включает в себя информированных специалистов, языковых активистов и всех тех, кто мог бы внести вклад в государственное, централизованное участие, основанное на основательно проработанных программах возрождения (King 2001, Olko & Sallabank 2021, Zuckermann 2020). Тем не менее, первостепенную роль в этом процессе играет само языковое сообщество (См. также Perlin 2024 и обзор его книги в этом томе).

4.2. Систематическое возрождение: российский опыт

Теоретическая основа современной языковой политики в России базируется на необходимости активного институционального управления. Комплексная программа сохранения и возрождения языков России, предложенная Институтом языкознания Российской академии наук (Kibrik 2021), утверждает, что естественный ход языковой эволюции в XXI в., обусловленный влиянием средств массовой информации, урбанизацией и глобальной экономической интеграцией, ведет к утрате языков меньшинств. Центральная идея программы — способствовать межпоколенческой передаче языка везде, где это возможно. Три необходимых условия для возрождения языка включают в себя привлечение местных активистов, административную и финансовую поддержку, а также научную обоснованность методологии (Kibrik 2021).

Опираясь на экологические традиции (Fishman 1991, Horberger 2003), А.А. Кибрик (Kibrik 2021) подчеркивает, что документирование — это лишь первый шаг в сохранении исчезающих языков. Предлагается переход от лингвистики, ориентированной на архивы, к возрождению, ориентированному на говорящих, к программам и инициативам, возглавляемым сообществами, которые не зависят от традиционного управления сверху вниз.

Авторы данного выпуска разделяют этот подход: выживание языка зависит не только от количества носителей, но и от его социолингвистического

здоровья, которое требует научно обоснованных, системных исследований, мониторинга и соответствующих активных мер, основанных на знаниях, полученных в результате исследований. Успех возрождения зависит от того, смогут ли эти языки выйти за рамки статуса «музейных экспонатов» (документации) и восстановить свой социальный капитал на современном языковом рынке (Hinton et al. 2018).

Языки стремительно исчезают по всему миру. Россия не является исключением из этой тенденции. По последним оценкам, в России насчитывается от 150 до 160 языков. Работа Научного центра сохранения языков при Институте языкознания РАН представляет собой значительный конструктивный ответ на эти глобальные тенденции на российском и постсоветском пространстве. Проект «Лингвистическое разнообразие России», разработанный в Центре (2024), фокусируется на систематической оценке жизнеспособности языков в полиэтническом ландшафте России. Это включает в себя социолингвистический мониторинг, выявление конкретных стадий утраты языка в соответствии с обновленными шкалами нарушений, внедрение моделей возрождения (в частности, таких как модель «языкового гнезда»). Большое внимание уделяется распространению ценности многоязычия среди широкой общественности.

5. Городская лингвистика и глобальные перспективы

Большие города представляют собой наиболее уязвимые места реализации языковой политики, в них наблюдается напряженность между директивным управлением языком и практикой языкового развития снизу-вверх. В то время как государственная политика часто направлена на создание гомогенности, современный мегаполис функционирует благодаря сверхразнообразию (Vertovec 2007), создавая языковые практики, которые часто обходят официальное законотворчество. Большой город уже не может восприниматься просто как объект или адресат государственной политики, но является динамичной лингвистической лабораторией, где сталкиваются глобальная миграция, историческое наследие и локальные акторы. Как демонстрирует городская лингвистика, город — это не просто географическое место, а динамичный агент, где новые языковые варианты, такие как «новый русский» или «новый узбекский», возникают в ответ на глобализацию и городскую гибридизацию. Различные глобальные мегаполисы — Нью-Йорк, Москва, Манчестер, Гамбург, Монреаль и другие — реагируют на сверхразнообразную реальность, будь то официальное двуязычие или фактическое доминирование, появление новых городских диалектов или практики переключения кодов (King & Carson 2016).

Миф о том, что Москва, столица высокоцентрализованной страны, является моноязычным центром, опровергается в (Bergelson & Zoumpalidis 2024), вскрывающей сложное «скрытое» многообразие, обусловленное миграцией из Центральной Азии и Кавказа. Город выступает в роли места языковой адаптации, где языки мигрантов сохраняются в частной и полуобщественной

сферах, несмотря на официальную политику, ориентированную исключительно на русский язык. Кроме того, в городе титульный язык часто теряет свои традиционные маркеры и становится столичным, гибридизированным и модернизированным вариантом.

Разнообразные аспекты городского многоязычия можно продемонстрировать примерами из разных мегаполисов (см. Hussain et al. 2025, Leontovich & Kotelnikova 2022, Pavlenko 2017, Pütz 2020, Zoumpalidis & Şimşek 2025 и др.). Нью-Йорк демонстрирует пик языкового разнообразия (Perlin 2024). Социальные сети города позволяют носителям языка сохранять родные языки, которые не имеют официальной поддержки в странах их происхождения. Регулируемое и органическое многоязычие можно проиллюстрировать на примерах Монреаля и Манчестера. Монреаль демонстрирует модель вмешательства сверху вниз. Языковые законы Квебека пытаются строго управлять языковым ландшафтом, чтобы обеспечить доминирование французского языка (Heller 2003, Levine 1990). Однако повседневная городская динамика Монреаля остается упорно двуязычной, что иллюстрирует ограниченность государственного управления перед лицом экономического капитала английского языка. Манчестер — это органическая модель многоязычия (Matras 2024, Matras & Robertson 2015). Его многообразие — это не проблема, требующая управления, а функциональная система, в которой языки местных сообществ интегрированы в государственные услуги и местную идентичность, создавая устойчивый социальный капитал для иммигрантских общин. Город способствует формированию гибридной языковой среды, где органичное использование множества кодов в городском ландшафте естественным образом противостоит навязанным государством моноязычным идеалам.

Сверхразнообразие и глобальные закономерности можно дополнительно продемонстрировать на примерах Мельбурна, Гамбурга (Clyne 2006, Duarte & Gogolin 2013), Ташкента и Алматы (Smagulova 2008). В первых двух мегаполисах огромное количество языковых переменных делает традиционные концепции прав меньшинств устаревшими. Такие города, как Ташкент и Алматы, занимают уникальное промежуточное положение. Они переживают центробежную национализацию (стремление к узбекскому или казахскому языку), одновременно выступая в качестве центров глобального английского языка и сохраняя функциональное доминирование русского языка как городского лингва франка. Смагулова (2008) называет это «элитным двуязычием», когда идентичность мегаполиса определяется способностью перемещаться между русским (старым лингва франка), казахским (государственным символом) и английским (глобальным неолиберальным товаром). Это новое многоязычие связано не с этническими корнями, а с городской мобильностью.

Общим звеном, объединяющим эти мегаполисы, является разнообразие языковых ландшафтов, позволяющее воспринимать город как текст посредством вывесок, рекламы и цифрового присутствия. В конечном итоге город трансформирует ключевой вопрос языковой политики, перенося его из

поиска правового обеспечения в анализ того, как городская динамика переопределяет ценность и полезность языков на глобализированном рынке. Еще одной общей чертой является появление «новых» языковых вариантов, сформировавшихся в контексте глобализации (см. Shaibakova et al. 2023, Proshina 2026).

6. Проблема «родного языка» и «носителя языка»

Начиная с начала XX в. и даже раньше изучение иностранных языков ставило перед собой конечную цель — достижение уровня владения языком, соответствующего уровню носителя языка. Концепция носителей языка когда-то была прочной и неоспоримой категорией. Однако в сегодняшнем глобализованном мире такой подход, получивший в английском языке название *native-speakerism,* быстро устаревает, поскольку он «подавляет свободу мысли и самовыражения как базовые права человека» (Hino 2021: 529), не дает возможность выразить своя «я».

Ситуация изменилась с урбанизацией и массовыми миграциями XX и XXI вв., которые привели к созданию новых диаспор и появлению следующих поколений (второго и третьего) мигрантов. Категория носителя языка утратила свою «чистоту» и однородность, поскольку сам термин «родной язык» мог быть определен по-разному: как родной язык (=первый язык, усвоенный человеком в детстве); язык, на котором человек говорит на самом высоком уровне владения, лучше всего; язык, используемый в большинстве контекстов и практик, или как язык группы, с которой человек себя идентифицирует. Эти четыре основных критерия, определяющие родной язык (происхождение, компетенция, функция, идентификация), часто не согласуются и противоречат друг другу. Таким образом, социолингвистика больше не могла использовать этот термин в качестве прототипической категории, полагаясь вместо этого на модели, основанные только на одном критерии (Guermanova / Германова 2024).

Ученые, работающие в рамках подхода критической языковой политики (CLP), давно ставят вопрос о том, что использованием идеала «носитель языка» лишь навязывает социальную иерархию. Tollefson (1991) в рамках концепции CLP утверждал, что языковое планирование, включая продвижение конкретных «стандартов носителя языка», воспроизводит социальное неравенство и власть государства. Аналогичная критика была направлена и против понятия «родной язык», так как утверждалось, что эти термины часто являются идеологически нагруженными конструкциями, а не нейтральными описаниями языковой реальности. Эта точка зрения была расширена в (Blommaert 2010). Исследуя влияние глобализации на социолингвистику, он критиковал традиционные представления о «носителях языка», описывая то, как люди ориентируются в сложных городских условиях, используя разнообразные языковые репертуары, которые не вписываются в категории «одноязычности». Wright (2016) проследил исторический сдвиг от национализма XIX в., который в значительной степени опирался на использование

концепции родного языка как символа национального государства, к неолиберальной эпохе, где язык все чаще рассматривается как товар, который может быть выставлен на рынке. Pennycook (2001) в рамках критической прикладной лингвистики анализировал роль глобального английского языка, утверждая, что западные академические традиции использовали концепцию родного языка для поддержания постколониального господства над местными и коренными языками.

6.1. Деколониальная и эпистемологическая критика

В недавно вышедшей монографии «Неуверенность языковой политики и планирования» (*Insecurities in Language Policy and Planning*) (Makoni et al. 2026) предлагается последовательная критика общепринятых категорий, которые долгое время определяли эту область, таких как термин «носитель языка». С этой точки зрения, языковая политика и планирование тесно связаны с колониальной историей стандартизации, которая способствовала процессам контроля и исключения. Gafaranga (2026) предполагает, что исследователям следует вообще отказаться от использования термина «язык» как фиксированной аналитической категории, применяя его только тогда, когда он явно упоминается самими носителями языка. Karlander & Salö (2026) прослеживают истоки полуязычия, концепции, часто используемой для патологизации тех, чья языковая практика не соответствует идеализированным нормам «родного языка», и вскрывают идеологические корни модели языкового дефицита.

Тем не менее, если встать на путь чрезмерной деконструкции понятия «носитель языка» или самого понятия «такой-то язык», мы можем, сами того не желая, поддержать языковой хаос рыночного типа, где выживут только самые влиятельные языки (английский или русский). Критики неолиберального/антиколонального поворота в социолингвистике часто утверждают, что такие термины, как транслингвизм или деконструкция понятия «язык», могут стать неолиберальной ловушкой: утверждая, что границ между языками не существует, мы рискуем лишить меньшинства тех самых инструментов (стандартизированных, «чистых» языков), которые им необходимы для отстаивания своих прав и государственной защиты.

7. Траектория выпуска: от глобальных ландшафтов к местным практикам

Десять статей в этом выпуске образуют научную мозаику, выстроенную таким образом, чтобы произвести плавный переход от всеобъемлющих теоретических и идеологических рамок к детальному эмпирическому анализу социолингвистических ситуаций. Статьи напрямую затрагивают рассмотренные выше теоретические вопросы, преодолевая разрыв между историческим наследием и современными тенденциями.

Открывается выпуск работа **Камиля Хаманса**, который исследует возможности социума по включению языков меньшинств в национальные структуры. Анализируя историческое формирование национальных стандартов от

языковых идеологий Французской революции до немецкого романтизма, — Хаманс предостерегает от «лингвистического эссенциализма». Он утверждает, что ожесточенные конфликты, наблюдаемые в таких странах, как Испания и Бельгия, могут быть смягчены только посредством анти-эссенциалистского подхода, характеризующегося разнообразием и толерантностью.

Следуя этой линии в области языковой политики, **К.Ю. Замятин** предлагает критический анализ современных попыток концептуализации языкового многообразия в рамках российского законодательства. Опираясь на включенное наблюдение и дискурсивный анализ официальных процессов разработки законопроектов, автор выявляет сложности, присущие операционализации понятия «сохранение», когда официальные определения остаются слишком широкими. В статье подчеркивается противоречие между символическим включением многообразия в политические цели и практическими потребностями языковых активистов на местах.

Определяющее значение методологии и институциональных данных рассматривается **Г.Ф. Габдрахмановой** и **Н.Б. Вахтиным**. Они предлагают строгий критический анализ Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. и используют концепцию «экологии языка» (Haugen 1972), чтобы показать, как технические и терминологические недостатки могут искажать наше понимание ситуации с исчезающими языками. Их анализ данных по десяти коренным языкам Якутии показывает, что данные переписи могут создавать «фиктивный» рост или падение, которые не отражают фактическое социолингвистическое здоровье этих сообществ.

Статья **Ленор Гренобль** расширяет далее теоретическую рамку, применяя теорию «ландшафтов» (Appadurai 1996) к сравнительному исследованию Гренландии и Якутии. Изучая взаимодействие этноландшафтов, техноландшафтов и медиаландшафтов, Л. Гренобль демонстрирует, что языковая политика не может быть успешной, если она игнорирует глобальные потоки людей и технологий. Ее исследование подчеркивает, что коренные языки должны найти «цифровую нишу», чтобы выжить в эпоху, когда 98 % населения взаимосвязано посредством Интернета.

В следующих статьях фокус внимания перемещается на связь между языком и формированием идентичности. **Д. Зумпалидис** и **М. Бергельсон** проводят углубленный анализ нарративов о жизненном пути корейцев Сахалина в четырех поколениях. Их работа показывает, что языковой сдвиг не является простым линейным процессом движения в сторону русского языка. Вместо этого семьи разрабатывают стратегические репертуары, включающие «корейскую кухню» и символические связи с популярной у молодежи современной корейской культурой, что позволяет адаптировать столетний опыт, включивший в себя вынужденное переселение в период японской колонизации и приспособление к политическим и социальным требованиям советской эпохи.

В контексте Нидерландов **Дик Смакман** рассматривает роль системы образования, являющейся ключевым звеном в реализации языковой

политики. Он подчеркивает несоответствие между инклюзивной риторикой международных организаций (ЮНЕСКО, ЕС) и ориентацией на «язык как проблему», характерную для голландских учебных заведений. Исследование показывает, как исключение из учебной программы херитажных языков (турецкого, арабского, польского) усиливает неравенство в образовании.

Следующие две статьи посвящены конкретным ситуациям языкового контакта и гибридизации. **М.Ю. Некрасова** исследует устойчивую сохранность украинских лексических элементов в Севастополе. Ее функциональный анализ показывает, что, несмотря на изменение политических границ, украинский язык остается прагматическим и эмоциональным ресурсом в повседневной речи, используемым для разных целей: от саркастических междометий до самоидентификации местных жителей и противопоставления себя приезжим. В статье **Виктора Лара Бермехо** оспаривается статус языка льянито в Гибралтаре. Основываясь на обширных полевых исследованиях, автор утверждает, что льянито не является отдельной разновидностью или вариантом языка, а скорее представляет собой переключение коммуникативных кодов в обществе, быстро движущемся к англоязычному монолингвизму, что иллюстрируют заключительные этапы языкового сдвига.

Этот выпуск завершается статьей **И.А. Данилова**, посвященной многоязычию в Якутии, в которой он исследует «символическую силу» языков северных меньшинств. Автор выявляет парадоксальную тенденцию: по мере снижения коммуникативной функциональности таких языков, как юкагирский или эвенский, их символическая ценность как маркеров этнической идентичности возрастает. Это «символическое возрождение» ставит перед политиками задачу определиться с тем, что следует поддерживать — язык как инструмент коммуникации или как средство сохранения культурного наследия.

8. Заключение: на пути к многомерной модели, в которой многоязычие является нормой

В совокупности статьи выпуска показали, что языковая политика на постсоветском пространстве и в других регионах выявляет фундаментальное противоречие, отражающее глобальные изменения: конфликт между усилиями государства по управлению национальной идентичностью и органической реальностью человеческого общения. Хотя региональные усилия по внедрению национальных (государственных, или официальных) языков часто выглядят как глобальные модели обеспечения безопасности, реальная практика носителей языка может отражать иную картину.

Языковая политика — это непрерывное взаимодействие и компромиссы между различными участниками процесса. В действительности многоязычие — это не «нестабильность», которую нужно искоренить, а нормальное, нормативное, положение дел как для отдельных людей, так и для обществ, которые их объединяют. Как показывают теория социального капитала и теория речевой адаптации, люди естественным образом ориентируются в

многочисленных дискурсивных сообществах, переключаясь между кодами для укрепления солидарности и доступа к экономическим возможностям. Будь то скрытое многоязычие Москвы или цветущая сложность множества языков Нью-Йорка, языковые практики регулируются многоуровневой логикой, которая выходит за рамки директивного управления.

Интегрируя критический, структурный, урбанистический и экологический подходы, мы отказываемся от моделей языкового дефицита, или «полуязычия». Вместо этого мы признаем, что общество держится вместе не на едином стандартизированном коде, а на динамичном взаимодействии разнообразных языковых репертуаров. Современные полиэтничные страны с их центробежными моделями национализации и сложными городскими процессами гибридизации являются источником данных, чрезвычайно важных для мира, все более характеризуемого сверхразнообразием и неолиберальной коммерциализацией языка. Представленные в выпуске исследования служат как отражением нашей современной многоязычной реальности, так и дорожной картой для управления сложным этническим и языковым ландшафтом XXI в.

Acknowledgments

Bergelson's research leading to these results has received funding from the Basic Research Program at HSE University within the project "Language, literature and culture in historical and social perspective" (HSE-BR-2025-031).
Grenoble's work on this project was supported by the Russian Science Foundation, RNF # 25-78-30006, "Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)".

Credit authorship contribution statement

Mira Bergelson: Conceptualization, Investigation, Methodology, Writing — Original Draft, Writing — Review & Editing. **Lenore Grenoble:** Conceptualization, Methodology, Validation, Writing — Original Draft, Writing — Review & Editing.

References

Alpatov, Vladimir M. 2000. *150 yazykov i politika, 1917–2000: sotsiolingvisticheskiye problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva* (150 languages and politics, 1917–2000: Sociolinguistic problems of the USSR and the Post-Soviet Space). Moscow: KRAFT. (In Russ.).

Alpatov, Vladimir M. 2015. Yazykovaya politika v Rossii i v mire (Language policy in Russia and in the world). *Izvestia of the RAS. Literature and language series* 74 (1). 3–10. (In Russ.).

Appadurai, Arjun. 1996. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis University of Minnesota Press.

Austin, Peter K. 2016. Language documentation 20 years on. In Luna Filipović & Martin Pütz (eds.), *Endangered languages and languages in danger: Issues of documentation, policy, and language rights*, 147–170. Amsterdam: John Benjamins. https://doi.org/10.1075/impact.42.07aus

Austin, Peter K. 2021. Language documentation and language revitalization. In Justyna Olko & Julia Sallabank (eds.), *Revitalizing endangered languages: A practical guide*, 199–219. Cambridge: Cambridge University Press.

Bergelson, Mira & Dionysios Zoumpalidis. 2024. *Multilingual Moscow: Researching the Linguistic Landscape and Practices of a Global City*. Berlin: De Gruyter Mouton.

Blommaert, Jan. 2010. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press.

Bourdieu, Pierre. 1986. The forms of capital. In John G. Richardson (ed.), *Handbook of theory and research for the sociology of education*, 241–258. New York: Greenwood Press.

Bourdieu, Pierre. 1991. *Language and Symbolic Power*. Harvard: Harvard University Press.

Bowern, Claire. 2008. *Linguistic Fieldwork: A Practical Guide. New* York: Palgrave Macmillan.

Chelliah, Shobhana L. & Willem J. de Reuse. 2011. *Handbook of Descriptive Linguistic Fieldwork*. Cham: Springer.

Clyne, Michael G. 2006. *Community Languages: The Australian Experience*. Cambridge: Cambridge University Press.

Cooper, Robert L. 1989. *Language Planning and Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press.

Coupland, Nikolaus. 1984. Accommodation at work: Some phonological data and their implications. *International Journal of the Sociology of Language* 46. 49–70. https://doi.org/10.1515/ijsl.1984.46.49

De Bot, Kees, Wander Lowie & Marjolijn Verspoor. 2007. A Dynamic Systems Theory approach to second language acquisition. *Bilingualism: Language and Cognition* 10 (1). 7–21. https://doi.org/10.1017/S1366728906002732

Duarte, Joana & Ingrid Gogolin. 2013. *Linguistic Superdiversity in Urban Areas: Analysis of Data from Hamburg*. Amsterdam: John Benjamins.

Fishman, Joshua A. (ed.). 1974. *Advances in Language Planning*. Berlin: De Gruyter Mouton.

Fishman, Joshua A. 1991. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Multilingual Matters.

Fishman, Joshua A. (ed.). 2001. *Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift, Revisited*. Multilingual Matters.

Gafaranga, Joseph. 2026. Doing translanguaging, unknowingly and differently. In Sinfree Makoni, Cristine G. Severo, Ashraf Abdelhay & Alissa J. Hartig (eds.), *Insecurities in language policy and planning: Decolonial theories and practices*, 141–167. Clevedon: Multilingual Matters. https://doi.org/10.21832/9781836681939-009

Giles, Howard. 1973. Accent Mobility: A model and some data. *Anthropological Linguistics* 15 (2). 87–105.

Giles, Howard. 2016. The social origins of CAT. In Howard Giles (ed.), *Communication accommodation theory: Negotiating personal relationships and social identities across contexts*, 1–12. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781316226537

Giles, Howard, Donald M. Taylor & Richard Y. Bourhis. 1973. Towards a theory of interpersonal accommodation through speech: Some Canadian data. *Language in Society* 2 (2). 177–192. https://doi.org/10.1017/S0047404500000701

Gippert, Jost, Nikolaus P. Himmelmann & Ulrike Mosel (eds.). 2006. *Essentials of Language Documentation. Berlin*: Mouton de Gruyter.

Grenoble, Lenore A. 2018. Arctic indigenous languages: Vitality and revitalization. In Leanne Hinton, Leena Huss & Gerald Roche (eds.), *The Routledge handbook of language revitalization*, 345–354. New York: Routledge.

Grenoble, Lenore A. 2025. Decolonization or recolonization? Activism and endangered language communities in the Arctic. In Cecilia Cutler, Unn Røyneland & Zvjezdana Vrzić (eds.), *Language activism: The role of scholars in linguistic reform and social*

change, 121–135. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108973168

Grenoble, Lenore A. & Lindsay J. Whaley. 2006. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Guermanova, Natalia N. 2024. Nositel' yazyka i rodnoy yazyk: metamorfozy ponyatiy (Native speaker and native language: Metamorphoses of concepts). *Vestnik MSLU. Humanities* 9 (890). 16–22. (In Russ.).

Haugen, Einar. 1972. *The Ecology of Language*. Stanford: Stanford University Press*.

Heller, Monica. 2003. *Crosswords: Language, Education and Ethnicity in French Ontario*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Himmelmann, Nikolaus P. 1998. Documentary and descriptive linguistics. *Linguistics* 36 (1). 161–195. https://doi.org/10.1515/ling.1998.36.1.161

Hino, Naboyuki. 2021. Language education from a post-native-speakerist perspective: The case of English as an international language. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 528–545. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-528-545

Hinton, Leanne, Leena Huss & Gerald Roche (eds.). 2018. *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. New York: Routledge.

Hornberger, Nancy H. (ed.). 2003. *Continua of Biliteracy: An Ecological Framework for Educational Policy, Research, and Practice in Multilingual Settings*. Clevedon: Multilingual Matters.

Hussain, Turab, Muhammad Haseeb & Aziz Ullah Khan A. 2025. Linguistic (in)visibility in Islamabad's landscape: A nexus analysis of policies, practices and perceptions. *Russian Journal of Linguistics* 29 (2). 409–431. https://doi.org/10.22363/2687-0088-39624

Hughes-Watkins, Lae'l. 2018. Moving toward a reparative archive: A roadmap for a holistic approach to disrupting homogenous histories in academic repositories and creating inclusive spaces for marginalized voices. *Journal of Contemporary Archival Studies* 5. Article 6. https://elischolar.library.yale.edu/jcas/vol5/iss1/6 (Accessed 05 May 2026)

Johnson, David C. 2013. *Language Policy*. New York: Palgrave Macmillan.

Karlander, David & Linus Salö. 2026. Historicizing 'semilingualism': On the theoretical origins of a linguistic pathology. In Sinfree Makoni, Christine G. Severo, Ashraf Abdelhay & Alissa J. Hartig (eds.), *Insecurities in language policy and planning: Decolonial theories and practices*, 269–302. Clevedon: Multilingual Matters.

Kibrik, Andrej A. 2021. A program for the preservation and revitalization of the languages of Russia. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 687–718. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-507-527

Kibrik, Aleksandr E. 1977. *Methodological Aspects of Linguistic Fieldwork*. Moscow: Moscow University Press.

King, Kendall A. 2001. *Language Revitalization Processes and Prospects: Quichua in the Ecuadorian Andes*. Clevedon: Multilingual Matters.

King, Lid & Lorna Carson (eds). 2016. *The Multilingual City: Vitality, Conflict and Change*. Clevedon: Multilingual Matters.

Leontovich, Olga & Nadezhda Kotelnikova. 2022. A semiotic portrait of a big Chinese city. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 701–720. https://doi: 10.22363/2687-0088-31228

Levine, Marc V. 1990. *The Reconquest of Montreal: Language Policy and Social Change in a Bilingual City*. Philadelphia: Temple University Press.

Lo Bianco, Joseph. 2010. Language policy and planning. In Nancy H. Hornberger & Sandra L. McKay (eds.), *Sociolinguistics and language education*, 143–176. Clevedon: Multilingual Matters.

Makoni, Sinfree, Cristine G. Severo, Ashraf Abdelhay & Alissa J. Hartig (eds.). 2026. *Insecurities in Language Policy and Planning: Decolonial Theories and Practices*. Clevedon: Multilingual Matters.

* Включён в перечень иностранных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России.

Matras, Yaron. 2024. *Speech and the City. Multilingualism, Decoloniality and the Civic University*. Cambridge: Cambridge University Press.

Matras, Yaron & Alex Robertson. 2015. Multilingualism in a post-industrial city: Policy and practice in Manchester. *Current Issues in Language Planning* 16 (3). 296–314. https://doi.org/10.1080/14664208.2015.1048925

Muth, Sebastian. 2017. Russian language abroad: Viewing language through the lens of commodification. *Russian Journal of Linguistics* 21 (3). 463–492. https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-463-492

Mühlhäusler, Peter. 1996. *Linguistic Ecology: Language Change and Linguistic Imperialism in the Pacific Region*. New York: Routledge.

Neustupný, Jiří V. & Björn H. Jernudd. 2003. Language management in the Czech Republic. *Current Issues in Language Planning* 4 (3–4). 181–366. https://doi.org/10.1080/14664200308668057

Olko, Justyna & Julia Sallabank (eds.). 2021. *Revitalising Endangered Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108641142

Pavlenko, Aneta (ed.). 2008. *Multilingualism in Post-Soviet Countries*. Clevedon: Multilingual Matters.

Pavlenko, Aneta. 2017. Linguistic landscape and other sociolinguistic methods in the study of Russian language abroad. *Russian Journal of Linguistics* 21 (3). 493–514. https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514

Pennycook, Alistair. 2001. *Critical Applied Linguistics: A Critical Introduction*. New York: Routledge.

Perlin, Ross. 2024. *Language City: The Fight to Preserve Endangered Mother Tongues in New York*. Atlantic Monthly Press.

Proshina, Zoya G. 2026. Legitimacy of varieties of English as a non-native language. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 82–104. https://doi.org/10.22363/2687-0088-47921

Pütz, M. 2020. Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 294–324. https://doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-294-324.

Ricento, Thomas (ed.). 2000. *Ideology, Politics and Language Policies: Focus on English.* Amsterdam: John Benjamins.

Ricento, Thomas (ed.). 2006. *An Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Malden, MA/Oxford: Blackwell.

Rubin, Joan & Bjorn H. Jernudd (eds.). 1971. *Can Language Be Planned? Sociolinguistic Theory and Practice for Developing Nations*. Honolulu: University Press of Hawaii.

Ruiz, Richard. 1984. Orientations in language planning. *NABE Journal* 8 (2). 15–34. https://doi.org/10.1080/08855072.1984.10668464

Sallabank, Julia. 2011. Language policy for endangered languages. In Peter K. Austin & Julia Sallabank (eds.), *The Cambridge handbook of endangered languages*, 277–290. Cambridge: Cambridge University Press.

Sartori, Giovanni. 1976. *Parties and Party Systems: A Framework of Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sassen, Saskia. 2001. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press.

Savva, Kristof. 2024. *Language Policy in Action*. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781009385138

Scheiffelin, Bambi B. & Elinor Ochs. 1986. Language socialization. *Annual Review of Anthropology* 15. 163–191.

Senier, Siobhan. 2014. Decolonizing the archive: Digitizing Native literature with students and tribal communities. *Resilience: A Journal of the Environmental Humanities* 1 (3). 69–85. https://doi.org/10.5250/resilience.1.3.006

Shaibakova, Damina, Ekaterina Protassova & Maria Yelenevskaya. 2023. Linguistic pluricentrism and the Russian language. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 663–686. https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316

Shohamy, Elana. 2006. *Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches*. New York: Routledge.

Skutnabb-Kangas, Tove. 2000. *Linguistic Genocide in Education — or Worldwide Diversity and Human Rights?* New York: Routledge.

Smagulova, Juldyz. 2008. Language policies of Kazakhization and their influence on language attitudes and use. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* 11 (3–4). 440–475. https://doi.org/10.1080/13670050802148798

Smagulova, Juldyz & Dinara Madiyeva. 2021. Normalizing a new language hierarchy: Event names in post-Soviet urban space. *Russian Journal of Linguistics* 25 (4). 1004–1023. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-4-1004-1023

Spolsky, Bernard. 2004. *Language Policy*. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511615245

Spolsky, Bernard. 2009. *Language Management*. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511626470

Spolsky, Bernard. 2021. *Rethinking Language Policy*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Tollefson, James W. 1991. *Planning Language, Planning Inequality*. New York: Longman.

Tollefson, James W. 2006. Critical theory in language policy. In James W. Tollefson (ed.), *An introduction to language policy: Theory and method*, 42–59. Malden, MA: Blackwell.

Tollefson, James W. (ed.). 2013. *Language Policies in Education: Critical Issues*. 2nd edition. New York/London: Routledge.

Tollefson, James W. & Miguel Pérez-Milans (eds.). 2018. *The Oxford Handbook of Language Policy and Planning*. Oxford: Oxford University Press.

Vakhtin, Nikolai. 2005. Two approaches to reversing language shift and the Soviet publication program for indigenous minorities. *Études/Inuit/Studies* 29 (1–2). 131–147.

Vertovec, Steven. 2007. Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies* 30 (6). 1024–1054. https://doi.org/10.1080/01419870701599465

Wright, Sue. 2016. *Language Policy and Language Planning: From Nationalism to Globalisation*. New York: Palgrave Macmillan.

Zuckermann, Gilhad. 2020. *Revivalistics: From the Genesis of Israeli to Language Reclamation in Australia and Beyond*. Oxford: Oxford University Press.

Zoumpalidis, Dionysios & Hasan Berkcan Şimşek. 2025. Multilingualism and language commodification in the public signage of Moscow. *Russian Journal of Linguistics* 29 (3). 631–658. https://doi.org/10.22363/2687-0088-43326

Internet and other sources

Kloss, Heinz. 1969. Research Possibilities on Group Bilingualism: A Report. *International Center for Research on Bilingualism*. Quebec, Canada. https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED037728.pdf (Accessed 06 May 2026).

Federal Law on Languages of the Russian Federation (May 2026). Draft for the State Duma.

Research Center for the Preservation, Revitalization and Documentation of the Languages of Russia. Institute of Linguistics. (Russian Academy of Sciences). 2021. https://iling-ran.ru/web/en/departments/languages_of_russia

Ukaz No. 474. 2025. Ukaz Prezidenta ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoi yazykovoi politiki Rossiiskoi Federacii. [Executive Order, On Approval of the Fundamentals of State Language Policy of the Russian Federation]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412219970/ (Accessed 10 May 2026) (In Russ.)

Article history:
Received: 06 March 2026
Accepted: 12 May 2026

Bionotes:

Mira B. BERGELSON is Professor at the School of Philological Studies, HSE University and Director of the Center for Sociocultural and Ethnolinguistic Studies at the Faculty of Humanities, HSE. Her research focuses on intercultural pragmatics, discourse analysis, sociolinguistics, narrative analysis, with particular focus on languages of Russia, language contacts, and language shift.
e-mail: mbergelson@hse.ru
https://orcid.org/0000-0002-7617-9356

Lenore A. GRENOBLE, PhD (Advanced Doctorate), is the John Matthews Manly Distinguished Service Professor in the Department of Linguistics at the University of Chicago, USA, and the Director of the Arctic Linguistic Ecology Laboratory at the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University in Yakutsk, Russia. Her research focuses on language contact and shift, vitality and sustainability, documentation and revitalization. Her primary fieldwork engages with speakers in far Northeastern Russia and Greenland.
e-mail: grenoble@uchicago.edu
https://orcid.org/0000-0001-8810-7395

Сведения об авторах:

Мира Борисовна БЕРГЕЛЬСОН — профессор Школы филологических наук Факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики», директор Центра социокультурных и этноязыковых исследований Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Сфера научных интересов включает межкультурную прагматику, дискурсивный анализ, нарративный анализ и социолингвистику, в особенности вопросы, относящиеся к языковому контакту, языковому сдвигу и языкам России. Последнее время ее полевая работа связана с изучением русского языка на Аляске.
e-mail: mbergelson@hse.ru
https://orcid.org/0000-0002-7617-9356

Ленора ГРЕНОБЛЬ — доктор философии, заслуженный профессор имени Джона Мэтьюза Мэнли на кафедре лингвистики Чикагского университета, США, и директор лаборатории арктической лингвистической экологии в Северо-восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова в Якутске, Россия. Ее исследования сосредоточены на языковом контакте и сдвиге, жизнеспособности и устойчивости, документировании и возрождении языков. Основная часть ее полевых исследований связана с носителями языка на крайнем северо-востоке России и в Гренландии.
e-mail: grenoble@uchicago.edu
https://orcid.org/0000-0001-8810-7395